

УДК 821.161.1.09.(4706)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ АРХЕТИПЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОЗАИКОВ

Л.И. МУРНАЕВА,

доцент кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства Пятигорского государственного университета, индекс 357532, Пятигорск, ул. Калинина 9, тел. 89624258808, e-mail: larvina@inbox.ru

Аннотация

Мурнаева Л.И. Фольклорные архетипы в произведениях современных северокавказских русскоязычных прозаиков.

Анализ современных русскоязычных прозаических произведений (малых форм) северокавказских писателей позволил выявить фольклорные архетипы, отражающие культуру народов Северного Кавказа в контексте ее историко-литературных традиций, в художественной эволюции с учетом национальных и интертекстуальных взаимосвязей. Системно-типологический, сравнительно-исторический, структурный, функциональный и когнитивно-коммуникативный методы исследования выявили такие фольклорные архетипы, как встреча, путь/дорога, дерево, путешествие/ странствие, вода, камень, орёл, пространенные во многих культурах и древних религиях Северного Кавказа. Реализация фольклорных архетипов в произведениях северокавказской русскоязычной прозе имеет когнитивную основу, опирающуюся на процессы глубокого знания традиций, фундаментальных этнокультурных знаков.

Ключевые слова: современная русскоязычная северокавказская проза, фольклорные архетипы, этнокультурные знаки, интертекстуальные взаимосвязи.

Murnaeva L.I. Folklore Archetypes in the Works of Contemporary Russian Prose Writers of the North Caucasus.

Summary

The abstract deals with the analysis of modern Russian prose works (small literature forms) of the North Caucasian writers, allowing to reveal the folkloric archetypes, reflecting the culture of the peoples of the North Caucasus in the context of their historical-literary traditions, artistic evolution, taking into account national and intertextual relationships. Systemic-typological, comparative-historical, structural, functional, and cognitive-communication research methods reveal the presence of

such archetypes of folklore, like meeting, path/road/trip/ travel, water, stone, tree, eagle, common in many cultures and ancient religions of the North Caucasus. The implementation of the folkloric archetypes in the works of Russian-speaking North Caucasian prose has a cognitive basis, based on processes of deep knowledge of the traditions and fundamental ethno-cultural signs.

Key words: modern Russian prose of the North Caucasus, the folklore archetypes, ethno-cultural signs, intertextual relationship.

Анализ русскоязычных прозаических произведений (малых форм) северокавказских писателей позволяет представить комплексную картину литературы Северного Кавказа в контексте ее историко-литературных традиций, в художественной эволюции с учетом национальных и интертекстуальных взаимосвязей. Северокавказская литература – комплексная система национальных литератур, имеющих немало общих признаков и традиций, прежде всего связанных с историей и культурой народов Северного Кавказа (о чем свидетельствует, например, наличие вариантов нартского эпоса), впитавших также достижения русского и мирового искусства. Сравнительный анализ творчества национальных писателей позволяет выявить интертекстуальные знаки [8, с. 111–117] и рассмотреть проблему фольклорно-литературных связей в свете теории интертекстуального метода изучения, при котором обнаруживаются в произведениях цитации, аллюзии, реминисценции [8, с. 143–149].

В эпоху интеграции остро проявляется противоречие, заключающееся в том, что человек ощущает себя уроженцем конкретного края, округа, республики, говорящим на своем языке и обладающим собственной историко-культурной памятью, но одновременно является и гражданином мира. С одной стороны, нации и этносы озабочены сохранением своей культурной идентичности, но с другой – оценка любых национальных параметров невозможна без учета мирового опыта. Еще Н. Бердяев подчеркивал, что человек входит в человечество через национальную индивидуальность как национальный человек, поскольку каждая культура имеет свою систему ценностей [1]. Эра глобальной информатизации, расширяя возможности заимствования, взаимовлияния и установления транскультурных отношений, демонстрирует, что универсальное формируется на основе локального. Но глобализационные трансформации оказывают влияние на ценностные ори-

ентиры, видоизменяют эталоны и стереотипы, что ведет к смещению смыслозадающих констант человеческой деятельности.

Этническая культура есть культура индивидуумов, связанных между собой общностью происхождения и единства элементов (определенных знаков) культурной коммуникации, включающей обряды, обычаи, поверья, традиции, мифы, легенды, фольклор. Именно язык, религия и художественная культура выделяются в качестве основных этнических признаков. Каждый писатель как творческая языковая личность неисчерпаем, неисчерпаем потому, что впитывает культуру предшествующих поколений и потому, что произведения каждого из них являются постоянным источником духовного наследия, образуя языковую картину мира. Именно этническая культура в контексте проблем глобализации является многофункциональной системой межкультурного взаимодействия и формирования языковой картины мира.

В языковой картине мира любая этнокультура проявляет себя многопланово, ее обнаружение осуществляется по тем знаковым проявлениям, которые характерны для данной культуры.

Как известно, этническая культура детерминирована характерной концептуализацией мира. В сознании индивида, как представителя определенной этнокультурной общности, культура существует в форме национально-культурного пространства. Национально-культурное пространство – это бытие культуры в сознании её носителей. Оно включает в себя все существующие представления о феноменах культуры у членов национального лингвокультурного сообщества.

Наиболее общими, выразительными и сформировавшимися этническими элементами культуры северокавказских этносов являются следующие: *фольклор, легенды и мифы, архетипы, символы, концепты, а также инициации, трансценденции* и другие системы (*образы, герои, сюжеты, конфликты*) и специфические явления, которые находят отражение в чертах идиостиля художников слова данного этноса. Национальность писателя не является определяющей при установлении принадлежности текста.

Северокавказский литературно-художественный текст, как и всякий текст, представляет собой когнитивную знаковую систему, составляющую совокупность национальных картин мира, каждая

из которых, впрочем, всегда вторична, так как отражает индивидуальную картину мира автора как языковой личности.

В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем – такое суждение А.А. Леонтьева доказывает, что сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык другого народа [5, с. 16–21].

Устное народное творчество и художественная литература – та база, которая способствует отбору, анализу и структурированию концептов. Огромная роль в осмыслении мира принадлежит культуре народа, в которой нашли свое отражение этапы развития нации, нравы, обычаи, традиции, мифология и религия.

Архетип (греч. *archetypos* – первообраз) – обозначение наиболее общих и фундаментальных изначальных мотивов и образов, имеющих общечеловеческий характер и лежащий в основе любых художественных структур. Архетип, будучи по сути не самим образом (или мотивом), но его схемой, обладает качеством универсальности, сопрягая прошлое и настоящее, всеобщее и частное, свершившееся и потенциально возможное, что проявляется не только в художественной (от архаического ритуала и мифа до произведений новейшего искусства, литературы), но и в обыденной психической деятельности человека (в снах, фантазиях) [4, с. 60].

Архетипы – прасюжеты или праобразы, описывающие бессознательные душевные события в образах внешнего мира.

Северокавказская литература – многополярная система национальных литератур, имеющих немало общих признаков и традиций, прежде всего связанных с историей и культурой народов Северного Кавказа. Художественные произведения, рассказывающие об истории его народов, раскрывают особенности характера абазина, адыга, балкарца, дагестанца, ингуша, калмыка, кбардинца, карачаевца, ногайца, осетина, чеченца. На протяжении многих столетий, живя в тесном контакте с племенами и народностями Северного Кавказа, каждый этнос смог сохранить национальную самобытность, традиции, обычаи, исторические песни, сказки, пословицы, поговорки. Создатели устного поэтического

творчества, народные сказители, певцы (джегуако, гегуако, джырчи) сыграли определяющую роль в становлении северокавказской литературы, в нравственном формировании народа.

Историческое единство народов Северного Кавказа подтверждается их общим культурным наследием – древнейшим национальным памятником литературы, эпосом «Нарты» (VIII–VII вв. до н. э.), который сравним с такими древнейшими эпическими произведениями Европы и Азии, как гомеровский эпос, древнеисландская «Эдда», «Песнь о Нибелунгах», «Давид Сасунский», «Джангар», «Манас».

Нартский эпос – это песни мифологического характера, повествующие о борьбе нартов-богатырей с темными силами. В нартских преданиях есть мифы, созвучные с мифами о Прометее. Легенды нартов на протяжении истории трансформируются, переходя к соседним народам, обрастают новыми мотивами, персонажами, обретают специфическую национальную окраску принимающей стороны, вследствие чего появляются дублиеры имен героев: Сатаней, Сэтэнай-гуащэ, Сатан, Саусырыко, Сосрыко, Сосрук, Сослан и т. д. Наличие вариантов нартского эпоса говорит о соотнесенности литературных процессов Северного Кавказа.

Наличие мифологизма и фольклоризма – главная черта произведений М. Ахметова «Адыгские амазонки», Н. Куёка «Осмез», «Превосходный конь Бечкан», «Черная гора», Г. Галбацова «Сонет», Ш. Богатыревой «Охотники на драконов», М. Хакуашевой «Притча», А. Макоева «Остров гнома», Ю. Шидова «Давай улетим на облаке». «архетип служит интуитивным средством психологического постижения объекта» [7, с. 194], под архетипами мы будем подразумевать первичные сюжетные схемы, образы и мотивы, возникшие в сознании (подсознании) человека на самой ранней стадии его развития, наиболее адекватно выразившиеся в мифах и сохранившиеся по сей день в подсознании. Общеизвестно, что архетипичная матрица культуры является духовно-генетическим кодом социокультурных феноменов. Архетипичное значение могут иметь образы, сюжеты (по Е.М. Мелетинскому), а также мотивы (по Ю.В. Доманскому). Современному писателю не сложно выявить и отразить национальные особенности конкретного этноса в своих произведениях, так как описываемый им народ

не существует изолированно, а находится во взаимодействии с другими этносами и имеет возможность выразить своё самосознание, понимание которого начинается лишь в актах сравнения с другими народами, несмотря на их сложность и многоуровневость, которые могут быть и «денационализированы под влиянием мировой цивилизации» [3, с. 30–31].

С появлением синкретического жанра фольклорные сюжеты и образы в той или иной форме входят в современные художественные тексты, в том числе и в произведения русскоязычных писателей.

Современный писатель, чтобы адекватно передать состояние массового сознания (архетипы), интуитивно использует определенный вневременной универсальный шифр, знак, характерный для этнокогнитивной картины мира своего народа. Можно утверждать, что художественное сознание кавказских народов характеризуется мифологическим типом восприятия, которое объясняется богатым мифо-фольклорным наследием. Характерно, что основу кавказской мифологии составляют инициация, трансценденция и игра, которые часто обнаруживаются в современных произведениях.

Инициация (посвящение) неотделима от таинств древности и магии, которая окружает обряды и церемонии, сопровождающие процесс становления человека, путь развития и превращения его из ребенка во взрослого. Инициация сравнима с процессом индивидуализации, так как, по Юнгу, она всегда представлялась как продвижение вперед, как спуск в пещеру, где сосредоточен загадочный мир, к которому человек стремится приобщиться.

Главную роль при инициации в мифах чаще всего играют вода и темнота.

Трансценденция (от лат. *transcendere* – переступить) в самом широком смысле означает переход границ между двумя областями, в особенности из области реального в область потустороннего (трансцендентного). В метафизическом понимании трансценденция – переход из сферы возможного опыта (природы) в сферу, лежащую по ту сторону его. Основания, применение которых вполне удерживается в границах возможного опыта, называют имманентными, а те основоположения, которые должны переходить за эти границы, называют трансцендентными (Кант). Символами

трансценденции, по Е.М. Мелетинскому, становятся схема подъема, лестницы, архетип небесного света, высота, быстрый полет, крыло и стрела, очистительная сублимация плоти, образ ангела [6, с. 8–12].

Творчество Ю. Шидова, черкесского писателя, посвящено нравственным проблемам, теме «обретение веры», поиску свободы. Шидов – автор произведений «Дорогой мой аул», «Разве мы чужие», «И наступит светлый день», «Мир вашему дому», «Остров надежд», «Аквариум», «Ужин на двоих», «Давай улетим на облаке». Архетипические образы и интертекстуальные связи позволяют автору решить многие морально-этические проблемы, заявленные в его произведениях. На примере киноповести Ю. Шидова «Давай улетим на облаке» 2006 г. [10] предпринята попытка исследовать текст на разных уровнях и выявить элементы архетипичности.

Главные герои повести – дед Хамид, этнопсихологически типичный «кавказец», и Владик – русский белокурый мальчик лет восьми: два одиноких человека, которые по воле судьбы остаются без родных и близких. Дед Хамид после контузии потерял память и оказался в доме престарелых. Он живет одной мечтой: за ним приедут близкие и заберут его.

Сюжет повести универсален для эпоса любой культуры и любой эпохи: люди в мифах и преданиях, в том числе адыгских, всегда отправляются за неуловимым счастьем в надежде обрести то, что принесет покой душе: вернуть или встретить невесту, найти мать или отца, обнаружить волшебный предмет.

Их путешествие к дому, уподобляясь, например, долгому возвращению домой Улисса, становится метафорой современной жизни среди новых, трагических реалий. Владик выполняет архетипическую роль *проводника*, сопровождая Хамида в новый, более счастливый мир. Владик для деда – некий добрый ангел, спустившийся на землю, ведущий его вверх, в высшие сферы существования. Значимым является концепт *встреча*, чрезвычайно важный для понимания архетипичности всей киноповести.

Развитие композиции построено собственно на *путешествии*, на архетипическом мотиве *странствия*. Достижение героями трансценденции воплощается через преодоление ими препятствий,

во время которых они проходят через ряд испытаний. Трансценденция предполагает активное вовлечение в повествование концепта *пути, дороги*. *Дорога* – метафора жизненного пути человека, это познание самого себя через познание мира. Из повести видно, как в разных ситуациях раскрываются герои, как проявляется сила их нравственно-душевного состояния.

Можно полагать, что потеря памяти Хамидом, а затем постепенное её возвращение – прием инициации, которая нередко совершается при помощи воды или огня. В конце повести Владик научил Хамида плавать. Концепт *вода*, выступающий как полисемантический образ, одновременно являющийся важным структурообразующим и мыслеформирующим компонентом. Вода – это жизнь, это движение, это очищение. Вода очищает, смывает все ненужное, нейтрализует мир несовершенного бытия. Концепт *река* появляется к концу повести, выполняя важную композиционную роль «Рубикона», «Стикса» – древней метафоры границы между мирами: миром живых и мертвых, восходящей и к древнегреческим, и к адыгским мифам. Неслучайно в конце повести подчеркивается значение данного концепта, обозначающего финал, рубеж, переход героев в иное качество. Река – своего рода способ переправы в желаемый мир. Так через воду старик и мальчик очищаются, обретая новый опыт и силы для дальнейшего пути. Герои таким образом проходят *водную* инициацию.

В тексте дагестанского прозаика Галбацова по-своему трансформирует жанр сонета в прозе. Эпиграфом к сонету писатель берет строфу из народной притчи:

Человек резал курицу. Водя ножом по куриному горлу, он плакал.

Мимо проходил старик с маленьким мальчиком.

Указав на того, кто резал курицу, мальчик сказал:

– Дедушка, посмотри на его глаза!

На что старик ответил:

– Не на глаза, а на руки посмотри [2, с. 76].

«Сонет» Галбацова включает 14 небольших по объему притч, что соответствует классическому сонету: одна строфа тоже обычно состоит из 14 строк. Смыслообъединяющим стержнем произведения Галбацова является диалог мальчика и старика. Старик

рассказывает притчи, которые у мальчика вызывают вопросы, а старик образно, метафорически отвечает. Героями притч становятся одинокие, часто сумасшедшие люди, по крайней мере, так они воспринимаются окружающими. Сами названия притч имеют символично-архетипические корни: это «Камень», «Черный камень», «Белый мяч», «Дерево», «Люди», «Дождь», «Орел», «Курица».

Образу камня автор уделяет большое внимание. Данный символ распространен во многих культурах и религиях: например, в Библии мы встречаем такие его упоминания, как *камень преткновения*, *краеугольный камень*, *камня на камне не осталось*, *время разбрасывать и время собирать камни*. В русских пословицах и поговорках этот символ тоже часто упоминается: *держат камень за пазухой*, *капля камень долбит*, *под лежащий камень вода не течет*, *камень на сердце*, *камень за пазухой*. Как видно, в образе камня переплетено много смыслов: камень рассматривается как некий фундамент, основа нравственной жизни; камень и исцеляет, и направляет. Камень может олицетворять собой и негативные мысли, злобу. Для горских народов камень является неотъемлемой частью их жизни: из камня строят жилище, камень может быть оружием, камень используют для жерновов в земледелии, камнями перекрывают реки. Таким образом, камень – важнейший элемент северокавказской этнической культуры, имеющий архетипическое значение для всего корпуса его литературных текстов.

Многообразие фольклорных архетипов, выявленных в современных произведениях северокавказских русскоязычных авторов, позволяет рассматривать их наличие как важнейшую особенность поэтики писателей Северного Кавказа, в текстах которого находит отражение все богатство их народной культуры, соединенное с наследием мировой, в том числе русской литературы.

Список использованных источников

1. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990.
2. Галбацов Г. Сонет. // Война длиною в жизнь. Сборник рассказов северокавказских писателей. М., 2007. С. 76–96.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1998. 430 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.

5. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Наука, 1993. С.16–21.

6. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах М., 1994. 136 с.

7. Современное зарубежное литературоведение: страны Западной Европы и США. М., 1996. 317 с.

8. Схаляхо Д. С. Аспекты интертекстуальности в рассказе Ю. Ахметукова «Геройская смерть» // Вестник Адыгейского государственного университета, Сер.: Филология и искусствоведение. 2012. – Вып. 4.

9. Хуббитдинова Н.А. Интертекстуальность как метод исследования национальной литературы // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи. 2013. № 31. С. 143–149.

10. Шидов Ю. Давай улетим на облаке // Цепи снеговых гор: Повести писателей Северного Кавказа. М.: Фолио, 2009. 735 с.